

Он видел гибель «Варяга»

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

9 февраля – 100 лет со дня гибели крейсера «Варяг». Странно было бы надеяться найти в наше время человека, причастного к тем событиям, но потомки одного из них и сегодня живут в Ярославле.

Я в квартире дома в проезде Ушакова. На стене фотографии: отец, мать, дядя, дед. Это корни инженера-строителя Виктора Николаевича Густыря.

Отец – Николай Мартынович Густырь жив и для своих 80 с лишним лет бодр и крепок. Мать Анна Викторовна умерла в 1989 году. Дядя Павел Дмитриевич погиб под Ленинградом. А дед Виктор Павлович Дмитревский, участник русско-японской войны, матрос с минного крейсера «Гайдамак», был непосредственным свидетелем того памятного боя на рейде Чемульпо. Больше того, оставил о нем собственноручную запись.

Виктор Николаевич Густырь не только тезка своего деда, но и поразительно похож на него. Правда, по возрасту давно его обогнал: когда ему было лет тридцать, столько же, сколько деду во время тех памятных дней, сходство казалось еще больше.

В семье сохранилась лента с матросской бескозырки с надписью «Гайдамак» и с десяток фотографий. Та, где машинный содержатель (видимо, машинист. – Т. Е.) Дмитревский снят один, помечена на обороте 1902 годом и надписью «Порт-Артур». На другой он с другими матросами и с наградами: если присмотреться, можно разглядеть два Георгиевских креста и две медали. Анна Викторовна помнила отца плохо. Он умер, когда ей было двенадцать лет. Жили они в глухой вологодской деревне, и ничем таким она в детстве не интересовалась. Но через много лет, когда они с мужем навестили родную Криулю и то место, где стоял их дом, она

сказала: «Где-то здесь должны быть медали отца и кресты».

По рассказам Анны Викторовны, отец ее был человек видный. Вернувшись с войны, женился. В 1910 году у него родился сын Павел, в 1919-м она, Анна. У отца была толстая тетрадь, лежавшая в доме на почетном месте. Он любил показывать ее всем, кто к нему приходил: перелистывал, читал вслух. Приходили свои, деревенские, приезжали незнакомые и из дальних деревень, за десятки верст. Отец был грамотный, кому надо, помогал написать прошение или еще что, и за все это пользовался уважением. Был в своей деревне старостой.

Семья постепенно обзавелась двумя лошадьми, двумя коровами, еще какой-то живностью. Вместе со словом «староста» получилось нехорошее сочетание, и при новой власти Дмитревских раскулачили. Именно в это время, видимо, были закопаны кресты. Бывшему матросу то ли повезло, то ли кто за него заступился, но дело ограничилось тем, что он отбыл недолгий срок на лесозаготовках и вернулся. Дом и хозяйство, конечно, отняли, семье оставили зимнюю избушку. В 1931 году матрос с «Гайдамака» умер.

Участник русско-японской войны, матрос с минного крейсера «Гайдамак» Виктор Павлович Дмитревский (Порт-Артур, 1902 г.).

Русские матросы в японском плену. В. Дмитревский – крайний слева.

Дочь Анна переехала в Ярославль. Потом они с мужем забрали к себе мать, а домик в вологодской деревне продали. Обходя его в последний раз, Николай Мартынович Густырь заглянул на чердак. Под ногами зашелестели старые журналы, их оказалось множество, в основном дореволюционные. Подивившись тому, сколько всего, оказывается, его тесть читал и выписывал, Николай Мартынович нагнулся за листочком, исписанным с обеих сторон от руки. В глаза бросилось слово «Варяг».

Он порылся в бумажном хламе еще, но никаких рукописных обрывков больше не обнаружил.

мака», кто в гражданской одежде, кто в форменке. Но если взять лупу и постараться прочитать надпись на бескозырках, то окажется, что тут и «Россия», и «Ретвизан» – вместе жили моряки с разных судов. Судьба каждого корабля по-своему трагична.

«А теперь то, что написано на той самой тетрадной страничке (я поправила только орфографию и пунктуацию).

«...И японским правительством за последние дни носила

слишком острый характер. Стоящие на рейде Чемульпо «Варяг» и «Кореец» были извещены, что они должны приготовиться ко всяким случайностям. 26 января «Кореец» был послан в Порт-Артур с депешами, так как телеграфное сообщение с П.-Артуром было прервано. Отойдя от Чемульпо несколько миль, «Кореец» встретил отряд

японских судов, который преграждал ему следовать дальше. «Кореец» вернулся и сообщил все «Варягу». В это время отряд японских судов, подойдя к Чемульпо, потребовал, чтобы наши сдались в плен или же приняли бой. Конечно, бой для наших с 7-ю японскими кораблями (позже выяснилось, что их было 14. – Т. Е.) был безусловно неравный. Хотя «Варяг» и был того лучше, а 7 и 2 большая разница. Командир «Варяга» капитан 1 ранга Руднев отвергнул предложение сдаться и вышел в бой с японцами. Нечего и говорить, что наши были буквально засыпаны снарядами и вскоре были уже не в состоянии вести бой, так как артиллерия пришла в негодность от повреждений и управление «Варягом» становилось уже трудным».

На другой странице листа – продолжение того же текста.

«Тогда наши, войдя на рейд Чемульпо, свели команды на берег и взорвали «Варяг» и «Корейца» («Варяг» был затоплен командой, а «Кореец» взорван. – Т. Е.), потерявших уже всякую боевую способность. Этот героический поступок наших двух судов никогда не умрет в истории русского флота. Все европейцы, находившиеся в Чемульпо, были в высшей степени удивлены поистине героическим поступком русских в неравном бою. Японские суда сильно пострадали от «Варяга». Сегодня получен в П.-Артуре высочайший манифест о начатии войны и прочитан на всех кораблях в сухопутных войсках...»

Дальше рассказывается о судьбе крейсера «Боярин» и «Енисей», взорвавшихся на своих же минах, о гибели при этом нескольких офицеров и 92 членов команды и о спасении оставшихся на гребных судах. Отрывок датирован: «30 января (пятница)», а слова «сегодня получен высочайший манифест» позволяют предположить, что первая часть записи сделана между 27 января 1904 (по ст. стилю), когда японцы напали на «Варяг», и 30 января.

Переписал ли матрос Дмитревский этот текст из газет того времени? Или в семье сохранился листок из той самой толстой тетради, которая могла быть дневником, что он вел по свежим следам событий или в японском плену? По свидетельству того же Новикова-Прибоя, многие матросы и старшины, потрясенные событиями той нелепой войны и ее несправедливостями, вели записи, грозя после возвращения домой «рассказать все, как было». Да и сам Новиков-Прибой, тогда просто матрос Новиков, именно так создавал свою «Цусиму». Только в ней речь о конце русско-японской войны, а в записях матроса Дмитревского – о ее начале.

Татьяна ЕГОРОВА.